

стоте явлений. Следовательно, перед нами заведомо идеальное построение, род художественной поляризации. Силой, производящей поляризацию, выступает дело, *отношение к делу*.

Ибо человеческое дело всегда относительно, результат его всегда открывает новые сложности и проблемы. Взвешивать все последствия, обдумывать все осложнения и при этом стремиться их предотвратить, — это значит никогда не перейти «от слов к делу». Дело всегда — вынужденное прерывание рефлексии.

Результат дела относителен; мысль же в своем стремлении и потенциальных возможностях абсолютна. Гамлет олицетворяет вечные сомнения — именно вечные: «...Если бы сама истина предстала воплощенной перед его глазами, Гамлет не решился бы поручиться, что это точно она, истина...» [1, т. 8, с. 178]. То есть каждая истина для него неполная истина, каждое добро скрывает момент зла. Выхода из этой дурной бесконечности нет, так как мысль заранее поставит под сомнение любой опыт. Разрубить узел способен лишь решительный отказ от рефлексии — (или заведомая неспособность к ней) — и вот в чем миссия дон-кихотовского волевого акта.

Политическая революционность этой воли не обязательна, хотя и не исключена. Сервантесовский Дон-Кихот действует в рамках политического статус-кво («...глубоко уважает все существующие установления, религию, монархов и герцогов...»), но, стремясь восстановить институт рыцарства, он выступает против наличных условий, против духа времени в каком-то более широком и существенном смысле.

Конечно, тургеневская речь отражала в себе опыт и русского и западноевропейского развития последних лет, особенно, как это уже не раз отмечалось, «великой драмы революции 1848 г.» [3, с. 6]. Но при этом Тургенев вовсе не стремился к конкретным политическим рекомендациям, к окартированию (или, наоборот, возвеличиванию) определенных социальных сил современности. Речь ставила перед собою более философское и обобщенное задание. Конкретный опыт был абстрагирован до положения о некоем исконном дуализме мысли и воли: «И вот, с одной стороны, стоят Гамлеты мыслящие, сознательные, часто всеобъемлющие, но также часто бесполезные и осужденные на неподвижность; а с другой — полубезумные Дон-Кихоты, которые потому только и приносят пользу и подвигают людей, что видят и знают одну лишь точку, часто даже не существующую в том образе, какою они ее видят» [1, т. 8, с. 183—184]. Дон-Кихот, с читательской точки зрения, может показаться привлекательнее и симпатичнее, но ни он, ни его антипод не имеют никаких абсолютных преимуществ. В конце концов именно Гамлеты, иначе говоря — человеческая мысль и сомнение, осуществляя революционную работу в сфере идеологии, способствуют возникновению тех целей, осуществлять которые предоставлено Дон-Кихотам. Но и дело Дон-Кихотов в свою очередь пробуждает к жизни новые сомнения, новую рефлексии, то есть новых Гамлетов: «Дон-Кихоты находят — Гамлеты разрабатывают».

Повторяем, этой классификации противопоказано слишком практическое и реальное толкование; писатель исходил из того, что чистых типов жизнь никогда не производила (отсюда заведомая безуспешность сведения и тургеневских персонажей, скажем, Базарова или Нежданова, только к Дон-Кихоту или Гамлету). Тургеневский двуобраз указывал не на определенные, строго антиномичные прототипы, а на сложность и драматическую конфликтность человеческой истории. Писатель как бы переиначил и распространил на исторический материал тот диалог, который, по определению Гейне, ведут в произведении Сервантеса Дон-Кихот и Санчо Панса — диалог персонажей, «беспреданно пародирующих друг друга, но при этом так изумительно друг друга дополняющих, что вместе они образуют подлинного героя романа» [22, с. 152]. С необходимой подстановкой (Гамлет вместо Санчо Пансы) два персонажа, по Тургеневу, ведут подлинно исторический диалог.